

*Митрополит Феропонт (Кашин)**

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ И ВЫБОРЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

В статье рассматриваются события августа–декабря 1917 г., связанные с выборами членов Всероссийского Учредительного собрания в Костромской губернии и участием в этих выборах представителей духовенства и мирян Костромской епархии. Описывается сложившееся осенью 1917 г. противостояние двух групп костромских клириков и верующих (которые можно условно назвать левой и консервативной), пытавшихся выдвинуть на выборах своих кандидатов. На основании материалов епархиальной печати делается вывод, что именно это противостояние, сопровождавшееся взаимными публичными обвинениями, стало главной причиной провала предвыборной кампании (список «объединенного духовенства и мирян» в целом по губернии получил всего 3,2% голосов избирателей). Приводятся сведения о процедуре выборов членов Учредительного собрания в Костромской губернии и об общих итогах выборов (восемь мест в Учредительном собрании поделили между собой поровну костромские эсеры и большевики), публикуется «Список № 5 кандидатов в члены Учредительного собрания от объединенного духовенства и мирян Костромской епархии».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Костромская епархия, Февральская революция, Всероссийское Учредительное собрание, выборы, православное духовенство, избирательная кампания, агитация, епархиальная печать, религиозно-философский кружок.

Metropolitan Ferapont (Kashin)
KOSTROMA DIOCESE AND ELECTIONS
TO ALL-RUSSIA CONSTITUENT ASSEMBLY

The article discusses the events of August–December 1917 related to the election of members of All-Russia Constituent Assembly in the Kostroma province and the participation of representatives of clergy and laity of the Kostroma diocese in these elections. It describes

* Феропонт (Кашин Дмитрий Витольдович), митрополит Костромской и Нерехтский, глава Костромской митрополии Русской Православной Церкви, кандидат богословия; ferapontk@ya.ru

the confrontation between two groups of Kostroma clergy and believers in the autumn of 1917 (which can be referred to as the left and the conservative), who tried to nominate their candidates for the election. On the basis of the materials of the diocesan press, it is concluded that it was this confrontation, accompanied by mutual public accusations, that became the main reason for the failure of the election campaign (the list of the “united clergy and laity for the whole province received only 3.2% of the vote). The article gives information on the procedure for the election of members of the Constituent Assembly in the Kostroma province and on general election results (eight seats in the Constituent Assembly split equally among Kostroma Socialist-Revolutionaries and Bolsheviks). List № 5 of candidate members for Constituent Assembly from the united clergy and laity of the Kostroma diocese is published.

Keywords: Russian Orthodox Church, Kostroma diocese, February revolution, All-Russia Constituent Assembly, election, Orthodox clergy, election campaign, agitation, diocesan press, religious-philosophical circle.

Как отмечают современные исследователи, более чем в половине епархий Православной Российской Церкви после Февральской революции 1917 г. имели место серьезные проблемы церковно-государственного характера: архиереи были вовлечены в конфликты с центральными или местными властями, с духовенством или общественностью [24, с. 75; 23, с. 500], происходили громкие отставки прежних архипастырей и шумные выборы новых, отмечались нестроения в жизни духовенства — вплоть до появления в одной из епархий «боевой организации псаломщиков», под угрозой террора требовавшей от «товарищей» благочинных перераспределения церковных доходов [16, с. 203].

Но так было не везде. К примеру, в Костроме — небольшом старинном городе на Волге, губернском центре, в память о событиях XVII в. неофициально именовавшемся «колыбелью Дома Романовых», — революция и в светском, и в церковном аспектах проходила почти безболезненно, можно сказать — тихо. Губернатор И. В. Хозиков и местное полицейское начальство 3 марта 1917 г. были арестованы, но уже 7 марта их освободили. Расквартированные в городе 88-й и 202-й запасные пехотные полки маршировали на демонстрациях «с оркестром музыки» [25, с. 16]. Местные политические деятели вели себя степенно, в дискуссиях не опускались до ругани и предпочитали изыскивать компромиссы (во всяком случае, до конца лета 1917 г.) (костромской историк А. М. Белов объясняет это тем, что представители губернской интеллигенции имели большой опыт совместной работы в самоуправлениях — думах, земствах. Он отмечает: «По многим вопросам костромские большевики, меньшевики и эсеры занимали единые позиции. Но постепенно общеполитические вопросы и особенно отношение к войне потребовали партийного размежевания даже, казалось бы, в дружеском окружении земской интеллигенции» [25, с. 8]). Самыми грозными событиями в Костромской губернии того времени стали погромы винных складов и продовольственные беспорядки в Костроме, Галиче, Нерехте, Кинешме, Юрьевце.

«Церковная революция» на Костромской земле также протекала вяло. Страсти если и закипали, то в основном на страницах епархиального печатного органа — «Костромских епархиальных ведомостей», летом 1917 г. преобразованных в «Костромской церковно-общественный вестник». Часто созывавшиеся епархиальные и окружные (благочиннические) съезды духовенства и мирян рассматривали различные вопросы, но их решения неизменно направлялись на утверждение управлявшему епархией епископу Костромскому и Галичскому Евгению (Бережкову; 1864–1924). В духе того времени была создана новая структура — епархиальный исполнительный комитет духовенства и мирян, но и его труды не отличались чрезмерной революционностью. А одним из самых обсуждаемых (и пререкаемых) решений епархиальных съездов 1917 г. стало постановление о новых нормах раздела братских доходов между членами причта (см., напр., статью «Pro domo sua»: [26]; латинское выражение «pro domo sua»

означает: «за свой дом», в защиту своих личных интересов). Не случайно автор заметки «В единении — сила», опубликованной в «Костромском церковно-общественном вестнике», сетовал: «В России сейчас идет полным ходом организационная работа всех слоев и классов населения. Только духовенство Костромской епархии стоит как будто в стороне от этого движения» [3].

И все-таки костромские отцы сумели вписать оригинальные строки в летопись событий 1917 г. На выборах в Учредительное собрание, проходивших в Костромской губернии 12–14 ноября, голосование шло по пяти спискам кандидатов: эсеры, кадеты, меньшевики, большевики и... духовенство и миряне! Историю епархиального «хождения во власть» можно проследить по публикациям в «Костромском церковно-общественном вестнике», первый номер которого вышел из печати 8 июля 1917 г. (последний номер «Костромских епархиальных ведомостей», издававшихся с 1885 г., датировался 15 июня 1917 г.).

С Учредительным собранием российская общественность связывала немалые надежды: его именовали «Державным Хозяином земли Русской» (см., напр.: [17, с. 44]). Автор статьи — священник (впоследствии протоиерей) Николай Бобровский (1883–1958), происходил из священнического рода, был внуком известного пастыря и краеведа протоиерея Алексия Домнинского. Окончив в 1903 г. Костромскую духовную семинарию, он более десяти лет работал сельским учителем и — по его собственному утверждению — в 1904–1910 гг. состоял в РСДРП. В августе 1916 г. был рукоположен во священника, а летом 1917 г. стал соредактором епархиального журнала и одним из активнейших костромских церковных деятелей «прогрессивного направления»; свои статьи в журнале иногда подписывал «С. Н. Б.»), ожидали от него действенных мер по установлению нового государственного строя, по пересмотру российских законов — и, в частности, применительно к положению Православной Церкви в новой России.

В № 4 «Костромского церковно-общественного вестника» от 1 августа 1917 г. были опубликованы две статьи об отношении духовенства к выборам в Учредительное собрание: «Организация прихода и выборы в Учредительное собрание» (без указания имени автора) [11] и «Бог поругаем не бывает» [17]. Автор первой статьи предупреждал:

По вопросам церковной жизни и, конечно, также по вопросу о взаимоотношениях Церкви и государства предстоит еще высказаться имеющему вскоре собраться Всероссийскому Поместному Собору; но и его решение, каково бы оно ни было, не будет иметь безусловного значения и может быть изменено Учредительным собранием, от которого зависит дать окончательный ответ на вопрос. Церкви нашей необходимо, очевидно, занять такое положение, чтобы голос ее громко раздавался в Учредительном собрании, чтобы оно должно было считаться с этим голосом [11, с. 36],

и намечал конкретную программу выдвижения духовенством и мирянами епархии самостоятельного списка кандидатов в члены Учредительного собрания. Автор статьи «Бог поругаем не бывает» не заходил столь далеко. Он лишь предлагал проводить разъяснительную работу с крестьянством (составлявшим большинство населения и в целом по России, и в Костромской губернии):

Духовенство должно сказать крестьянам: можете голосовать за любую партию — это ваше дело, но если вы христиане искренние, то подайте голос с оговоркой, что в религиозном вопросе вы не желаете отделения Церкви от государства и школы от Церкви, что решение этого вопроса принадлежит самой Православной Церкви, в частности Поместному Собору Русской Церкви. А чтобы этот голос крестьянства был услышан, пусть оно по волостям и по приходам составит приговоры с поголовной подписью, где ясно и определенно нужно сказать, что православное крестьянство против отделения Церкви от государства и от школы, и пусть эти приговоры будут известны и кандидатам в Учредительное собрание и самому Учредительному собранию [17, с. 48–49].

Изложенные в указанных статьях предложения уже 4 августа были рассмотрены специальной комиссией объединенного духовенства и мирян города Костромы. В журнале заседания этой комиссии непосредственно цитируется статья священника Николая Бобровского (в частности, приведенный выше фрагмент), но общий вывод делается более радикальный — в духе первой публикации:

...необходимо духовенству и мирянам, объединившись, составить общий список кандидатов в Учредительное собрание. <...> Для большего успеха желательно, чтобы духовенство города Костромы и других уездных городов из своей среды и из среды сочувствующей интеллигенции выделило кадр (так в тексте. — *Авт.*) более или менее опытных деятелей, которые по мере надобности могли бы своей опытностью приходить на помощь местным работникам... [5, с. 37].

На этом журнале епископ Евгений 7 августа наложил эмоциональную резолюцию: «Читаю с истинным удовольствием и утешением. Хорошо бы ознакомиться с сим журналом епархиальный съезд, завтра имеющий быть» [5, с. 35].

Владыка имел в виду епархиальный съезд духовенства и мирян, проходивший в Костроме 8–10 августа 1917 г. Этот съезд созывался прежде всего для избрания членов Поместного Собора от Костромской епархии (открытие Собора состоялось 15 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы), но рассмотрел затем и другие вопросы. Накануне открытия епархиального съезда (точнее — епархиального избирательного собрания), вечером 7 августа, после всенощного бдения в кафедральном соборе Костромы делегатов пригласили в здание духовной семинарии. Здесь перед ними с лекцией о положении Церкви в синодальный период и о задачах Поместного Собора выступил преподаватель реального училища, член местного религиозно-философского кружка М. Н. Дурново. Пройдет совсем немного времени, и его имя будет упоминаться епархиальной печатью в непосредственной связи с проблемами избирательной кампании «объединенного духовенства и мирян».

Завершив выборы членов Поместного Собора от Костромской епархии, поздним вечером 9 августа епархиальный съезд приступил к рассмотрению других тем. Заслушав журнал комиссии по вопросу об участии духовенства и мирян в выборах в Учредительное собрание, делегаты съезда (142 представителя от духовенства и 192 — от мирян) вынесли решение:

Предлагаемые комиссией в означенном журнале меры съезд принял с большим сочувствием и вниманием и единогласно постановили: принять оные меры

к исполнению, поручив той же комиссии составить, соответственно заслушанному журналу, обращение к православным прихожанам епархии и отпечатать его в ближайшем номере епархиального органа, а также и отдельными оттисками для распространения в православном народе [5, с. 37] (см. также: [18, с. 58]).

Вскоре епископ Евгений отбыл в Москву на Поместный Собор, передав все полномочия по управлению епархией викарному епископу Севастиану (Вести; 1870–1929 или, по другим сведениям, 1934). История не приветствует сослагательного наклонения, но все же можно предположить: если бы владыка Евгений смог постоянно контролировать ситуацию в Костроме, то, благодаря его мудрости и авторитету среди духовенства, результат избирательной инициативы епархии не оказался бы столь скромным.

Обращение «К православным прихожанам епархии», составленное по решению съезда упоминавшейся выше комиссией, было опубликовано в «Костромском церковно-общественном вестнике». Оно призывало голосовать за кандидатов от духовенства и мирян:

Группа духовенства и православных мирян Костромской епархии <...> предлагает всем не забывшим Бога и желающим, чтобы вера в Бога не была изгнана из народной жизни и Его Святая Церковь всегда и во всех делах стояла на первом месте, чтобы дети наши в школах учились закону Божию и читали Его Святое Евангелие, — подавать свой голос на выборах в Учредительное собрание за список кандидатов, выставленный этой группой [6, с. 114].

Однако при утверждении проекта этого обращения на проходившем 26 сентября собрании объединенного духовенства и мирян города Костромы обнаружилась проблема, которая окажется неразрешимой. Позднее священник Николай Бобровский писал:

На этом собрании мне, постоянному участнику епархиальных съездов и окружных собраний города Костромы начиная с июньского съезда, заметно было, что наряду с обычным и законным составом благотворительных собраний города Костромы появилась публика мне незнакомая, но между собою дружная и, очевидно, хорошо спешаяся. Ей без особых усилий удалось в список провести 3–4 знакомых лиц, но так как редакция списка была не окончательная, так как на первых местах (а много кандидатов провести мы не надеялись) стояли имена общероссийской известности, так как — далее — список мог и должен был пополниться кандидатами из уездов, то до поры до времени особого внимания махинации этой группы на себя не обращали [2, с. 174].

Следует, разумеется, учитывать, что отец Николай был лицом заинтересованным и его свидетельство не может считаться беспристрастным. В список же действительно включались известные имена. Газета костромских кадетов «Народная свобода» 6 октября 1917 г. в заметке «К Учредительному собранию» (опубликованной в разделе «Церковная жизнь») сообщала:

Всех кандидатов 16, местные и не местные люди. Вот некоторые из них: Серебрянский, наставник Костромской духовной семинарии, ныне перешедший профессором в духовную академию. Миссионер Диаконов, уездный доктор Степа-

нов, московский профессор Кузнецов, генерал Каледин, бывший обер-прокурор Святейшего Синода Самарин и другие. Востоков (видимо, речь идет о священнике Владимире Востокове (1868–1957), общественном деятеле и публицисте. — Авт.) не прошел [7].

Как сообщалось впоследствии, генерал Каледин поблагодарил костромское духовенство и мирян за оказанное ему внимание, но от выдвижения своей кандидатуры отказался [25, с. 85].

На собрании 26 сентября рассматривался также вопрос об участии духовенства в предвыборной агитации:

Собрание обсуждало 102 статью «Положения о выборах в Учредительное собрание». Статья запрещает духовенству выступать во время богослужений, тотчас после них, на кладбищах, на могилах и при всяких требах с проповедями и вообще обращениями агитационного характера касательно выборов в Учредительное собрание. Кара 6 месяцев тюрьмы. Как ее понимать, как запрещение агитации вообще, или в определенных, указанных случаях. Член собрания товарищ председателя Костромского окружного суда А. К. Вяжлинский разъясняет, что запрещение касается лишь определенных, выше перечисленных случаев. По поводу 102 статьи собрание постановило телеграфно просить костромского делегата на Церковном Соборе протоиерея Крутикова (Настоятель Успенского кафедрального собора города Костромы протоиерей Павел Крутиков являлся членом Поместного Собора 1917–1918 годов от Костромской епархии. — Авт.) внести запрос на заседании собора. Телеграмма отправлена [10]. (Текст статьи 102 выглядел так: «Духовное лицо, которое во время богослужения или непосредственно после такового в храме или ином предназначенном для богослужения месте станет пытаться посредством произнесения речи, распространения сочинений или иным образом оказывать влияние на выборы в Учредительное собрание, наказывается — заключением в тюрьме на срок не свыше шести месяцев».)

Исходя из последующих публикаций епархиальной печати, ситуацию с выборами в Учредительное собрание можно описать так. Комиссия по выборам, получившая формальные полномочия от духовенства и мирян города Костромы, а затем и от епархиального съезда, видимо, имела своим неформальным лидером священника Николая Бобровского (председателем же комиссии являлся протоиерей костромской Ильинской церкви Александр Крутиков). После съезда 8–10 августа, однако, комиссия по сути ничего не предпринимала, хотя губерния уже начала готовиться к выборам: 31 августа была создана Костромская окружная комиссия (Оквыборы), которую возглавил председатель губернской земской управы В. А. Дмитриев. За полтора месяца, прошедших после епархиального съезда, комиссия не подготовила даже проект обращения к православным прихожанам епархии (этот текст был рассмотрен и одобрен, напомним, только 26 сентября). Тем более не делалось никаких шагов для составления списка кандидатов от духовенства и мирян даже в рамках Костромы, не говоря уже об уездах. Перед лицом бездействия комиссии, получившей полномочия от епархиального съезда, в губернском центре образовалась другая инициативная группа. Она состояла преимущественно из мирян и была связана с уже упоминавшимся религиозно-философским кружком; самым активным членом этой группы мы видим преподавателя реального училища

Михаила Николаевича Дурново. Но было бы ошибкой сводить противоречия этих групп к противостоянию клириков и мирян (например, среди сторонников М. Н. Дурново мы видим священника Говоркова — видимо, отца Александра Говоркова, служившего в Богоотцовской церкви города Костромы. См.: [13, с. 260]). Судя по церковной прессе, «группа Бобровского» руководствовалась либеральными идеями, числила себя в «прогрессивном» духовенстве — тогда как «группа Дурново» (такие условные именованья мы дадим обеим группам для удобства изложения) являлась весьма консервативной, неоднократно была упрекаема в монархизме.

Окончательный список православных кандидатов на выборы в Учредительное собрание должно было выработать собрание духовенства и мирян города Костромы 8 октября. Судя по описанию этого собрания в статье священника Николая Бобровского, оно оказалось многолюдным (более 200 участников) и весьма эмоциональным:

...стали намечать кандидатов. Три лица были поставлены общим гулом, а не голосованием, на первые места, — это были руководители и вдохновители местного религиозно-философского кружка. <...> Хотя список был намечен и ясно было, что существенных изменений сторонники его не потерпят, члены комиссии настояли, чтобы назначено было на 11 октября последнее собрание для окончательной выработки списка. Была надежда, что известия с мест успеют прийти к этому времени и их содержание даст право настаивать на изменении списка [2, с. 175–176].

Однако и впоследствии сторонникам «группы Бобровского» не удалось изменить ход событий, хотя они активно пытались включить в список своих кандидатов — прежде всего священника Виктора Бережковского, который ранее председательствовал на епархиальных съездах духовенства и, по отзыву того же отца Николая, был «известен всей епархии как чистый прогрессист» [2, с. 175]:

9 и 10 октября получены были сообщения (7) о списках кандидатов, выработанных на окружных собраниях (Благочиннических округов в Костромской епархии тогда было 72. — Авт.). <...> Основываясь на этих данных и имея в виду доверие, оказанное ей съездом, комиссия, за исключением М. Н. Дурново, решила выработать свой примерный список кандидатов, который и послала для ознакомления и подписи желающим. Это, конечно, подлило только масла в огонь. На собрание 11 октября явилась та же публика, что и 8 числа, уже наэлектризованная; большинство духовенства, во главе с председателем окружного управления, благоразумно не явилось. Когда председатель комиссии протоиерей А. Крутиков хотел было сделать сообщение о ходе дел, ему просто не дали говорить и предложили убраться. Выбран был председатель, и только тогда отцу Крутикову удалось сделать свое сообщение. После этого я предложил, ввиду резкого раскола собравшихся на две партии, всем, кто не согласен с выработанным 8 октября списком, уйти из собрания. Это миролюбивое предложение еще больше распалило публику, и она распоясалась — показала свое настоящее лицо. Слышны были почти истерические выкрики: «Им бы надо о царе молиться, а они косм... (Так в тексте. Возможно, подразумевается слово «косматые». — Авт.) демократической республики захотели!...». Что было дальше, я не знаю. Знаю только, что из общего числа духовен-

ства — свыше 25 человек — в собрании остались всего 5–6 человек. Удалившиеся во главе с председателем объединенного духовенства города Костромы решили сделать еще собрание, без участия мирян, в 3 часа дня 12 октября. На это собрание явилось всего 29 человек. Явился сюда и М. Н. Дурново, который горячо призывал объединиться. Выработали список кандидатов, одинаковый с примерным списком комиссии, — и также со включением отца В. Бережковского. Для окончательных переговоров с противной партией назначили 8 часов вечера, решив ни в каком случае не уступать первых двух кандидатов (Кузнецова и Бережковского). Столковаться не удалось и вечером — тем более, что отец В. Бережковский решительно заявил о своем нежелании фигурировать в одном списке с М. Н. Дурново. Тогда и члены комиссии и все к ней примкнувшие решили отказаться от своего списка, доведя о всем происшедшем до сведения епископа и епархии в целях предостережения и охраны доброго имени духовенства [2, с. 176–177].

Кроме статьи священника Николая Бобровского, в том же номере «Костромского церковно-общественного вестника» было напечатано уведомление:

Комиссия объединенного духовенства и мирян Костромской епархии по выборам в Учредительное собрание сим доводит до всеобщего сведения, что, ввиду неполучения (своевременного) из уездных окружных управлений указаний на желательных кандидатов в Учредительное собрание, она (комиссия) считает себя не в праве выставлять список кандидатов от православного духовенства и мирян Костромской епархии. Если появятся списки с подобным наименованием, то они будут выставлены не духовенством епархии, а отдельными группами безответственных лиц [8, с. 173].

Не справившись с организацией предвыборной кампании, священник Николай Бобровский и его единомышленники («прогрессивное» духовенство) с заслуживавшей лучшего применения энергией взялись за дискредитацию конкурентов. На помощь им пришел епархиальный исполнительный комитет, полномочия которого к тому времени были не вполне очевидны: так, протоиерей Димитрий Лебедев заявлял, что этот комитет должен считаться распущенным по решению еще июньского епархиального съезда [9, с. 248]. «Группа Бобровского» стала использовать в своих целях светские периодические издания: публикации соответствующего содержания появились в газете «Поволжский вестник» и даже в большевистском «Северном рабочем». Но сторонники М. Н. Дурново не сдавались. Судя по упоминаниям в епархиальной печати, они стали издавать специальную предвыборную газету — «Вестник православного духовенства и мирян Костромской епархии», где печатались статьи с характерными заголовками: «Открытое письмо отцу Н. Бобровскому», «Предательский удар». «Группа Дурново» пыталась проводить агитацию в уездах, распространяла по епархии свою литературу. Но драгоценное время было упущено, а сама идея участия в выборах православных кандидатов — опорочена из-за вынесения предвыборных распрей в публичное пространство. Вот как описывал печальные последствия войны костромских церковных «групп» священник Иоанн Суздальцев, служивший в Воскресенской церкви города Луха:

В городе Лухе в народном доме было устроено публичное чтение для ознакомления народа с политическими партиями и их программами, в виду

приближающихся выборов в Учредительное собрание. Докладчик подробно обрисовал программу партий списков № 1, 2, 3, 4. Когда очередь дошла до списка № 5, некоторые из слушателей пожелали узнать, что это за партия под именем «объединенного духовенства и мирян» и какова ее программа. Вот здесь-то как раз и явилась на сцену заметка «Поволжского вестника». Она не только обрекла на провал список № 5, но и в достаточной степени скомпрометировала духовенство в глазах народа, которое, взявшись за такое серьезное дело, видимо, в свое время не могло сговориться как следует на выставляемых кандидатах и перед самыми выборами стало упрекать друг друга в лживости и фальшивости. Со стороны некоторых слушателей было сказано несколько иронических замечаний такого рода: «Что это за партия, когда люди сами не доверяют друг другу», «попы опять начинают мешать и соваться не в свое дело» [22, с. 241–242].

Выборы в Учредительное собрание прошли в Костромской губернии 12–14 ноября 1917 г. Предстояло избрать восемь депутатов (на основе пропорциональной системы, по одному депутату от 200 тысяч жителей), избирательным округом — многомандатным — считалась вся губерния. К голосованию допускались и женщины, что для того времени выглядело весьма прогрессивно. Возрастной ценз составлял для военнослужащих — 18 лет, для остальных граждан — 20 лет. Интересной была технология проведения выборов. Избирателю на руки выдавались избирательные записки — листки с перечнями кандидатов, по каждому списку отдельно. В Костромской области такие записки объединялись в избирательный бюллетень, представлявший собой длинный и узкий лист бумаги с надписью сверху:

Гражданин-избиратель! Отрежьте по вашему выбору только одну из пяти напечатанных здесь записок и подайте ее в день выборов в участковую избирательную комиссию. Никаких исправлений и дополнений в записке делать не следует, иначе она будет считаться недействительной [4].

Ниже этой надписи были последовательно, сверху вниз, напечатаны пять кандидатских списков. На избирательном участке гражданин вкладывал тот список, за который голосовал, в специальный конверт, заклеивал его и передавал председателю избирательной комиссии. Председатель опускал конверт в ящик; по таким избирательным запискам и проводился подсчет голосов.

В Костромской губернии гражданам предлагалось сделать свой выбор в пользу одного из пяти кандидатских списков:

№ 1 — партия социалистов-революционеров (эсеры) в блоке с Советом крестьянских депутатов;

№ 2 — партия народной свободы (кадеты);

№ 3 — социал-демократическая партия (меньшевики);

№ 4 — социал-демократическая партия (большевики) — РСДРП(б);

№ 5 — объединенное духовенство и миряне.

Список духовенства и мирян — в том виде, в каком он был опубликован окружной избирательной комиссией — выглядел так:

Список № 5 кандидатов в члены Учредительного собрания от объединенного духовенства и мирян Костромской епархии.

1. Кузнецов Николай Дмитриевич. Присяжный поверенный, бывший профессор. (Москва, Неглинская (Правильно — Неглиная. В избирательных бюллетенях эта опечатка была исправлена. — Авт.) ул., д. № 5).

2. Дурново Михаил Николаевич. Преподаватель. (Кострома, Никольская ул., д. № 27, кв. 1).

3. Соловьев Николай Михайлович. Писатель по религиозно-филос[офским] вопросам. Директор реального училища. (Кострома, Н[ижняя]–Дебря, д. № 6).

4. Преображенский Вениамин Сергеевич. Преподаватель. Кандидат на Церковный Собор от Костромской епархии (Слово «кандидат» указывает, что В. С. Преображенский (в будущем епископ Василий) участвовал в выборах и был избран — но не собственно членом Собора, а заместителем одного из членов Собора от мирян Костромской епархии (И. Ф. Иорданского) на случай невозможности исполнения последним своих обязанностей. — Авт.). (Москва, Петропавловская гимназия).

5. Вознесенский Николай Аркадьевич. Уездный член суда. Член Церковного Собора от Костромской епархии. (Москва, Церковный Собор).

6. Иорданский Иван Феоктистович. Преподаватель. Бывший врач. Член Церковного Собора от Костромской епархии. (Москва, Церковный Собор).

7. Прянишников Степан Николаевич. Староста костромского кафедрального собора. (Кострома, Калиновская ул., д. № 8 [19]).

Первое место в списке занимал Н. Д. Кузнецов — известный юрист, член Поместного Собора, профессор церковного права Московской духовной академии; напомним, что он выдвигался кандидатом и от «группы Бобровского». Отметим и В. С. Преображенского — сына кинешемского священника, преподавателя московской гимназии. В октябре 1917 г. он вернется в Кинешму, займется духовно-просветительской деятельностью, в 1920 г. примет священный сан, а еще спустя год — постриг в монашество с именем Василий, затем станет епископом Кинешемским и перенесет многие скорби и страдания от гонителей Церкви.

Официальные итоги выборов были опубликованы 28 ноября. И. А. Палюлина в своей работе приводит следующие данные по Костромской губернии:

Численность населения — 1 636 759 человек.

Количество избирателей — 844 552 человека.

Количество участвовавших в голосовании — 555 580 человек.

Явка избирателей — 66% [12, с. 162].

По городам явка избирателей составила от 50% до 70%, по уездам (т. е. в сельской местности) — 73–87,5% [12, с. 167].

Поданные голоса распределились по спискам так.

По Костромской губернии:

№ 1–45%;

№ 2–7,5%;

№ 3–3,5%;

№ 4–40,8%;

№ 5–3,2%.

По городу Костроме:

№ 1–10%;

№ 2–22,5%;

№ 3—11,5%;

№ 4—43,5%;

№ 5—12,5% [20; 14] (см.: [25, с. 116—117]).

Таким образом, в целом по губернии победу одержали эсеры, а большевики получили большинство голосов в Костроме и других городах, в промышленных уездах [1, с. 50]. «Объединенное духовенство и миряне» потерпели сокрушительное поражение, хотя в Костроме показали относительно неплохой результат. Восемь мест в Учредительном собрании поделили между собой поровну костромские эсеры и большевики.

Критическая оценка событий, связанных с участием клириков и мирян Костромской епархии в выборах, была выражена зрителем Кинешемского духовного училища протоиереем Димитрием Лебедевым в статье «На злобу дня. (По поводу бывших выборов в Учредительное собрание)», опубликованной в «Костромском церковно-общественном вестнике» от 1–8 декабря 1917 г.:

...мы с нетерпением ждали от костромского объединенного союза духовенства инициативы и заблаговременного объявления беспартийного списка наиболее популярных в епархии, подготовленных к государственному строительству и достойных ревнителей Церкви [—] кандидатов в Учредительное собрание. Но вместо хлеба избирательной комиссией костромского духовенства брошен нам камень.

Комиссия, пропустив дорогое время, не только не сумела подготовить и провести крайне желательный и приемлемый для всего духовенства и сочувствующих мирян избирательный список, но с компрометирующей губернский пастырский союз, недоброй целью напечатала в «Костромском церковно-общественном вестнике» пред самыми выборами предостережение, чтобы духовенство остереглось отдать свои голоса составленному религиозно-философским кружком костромского духовенства и единомысленных мирян — ревнителей Церкви беспартийному списку № 5. Кроме того, более резкое и обидно неуместное обращение ко всему же духовенству разослал по епархии и другой костромской кружок лиц, незаконно именующих себя до сего времени членами давно распущенного (по журналу № 9, ст[атья] IX июньского епархиального съезда) епархиального исполнительного комитета.

Таким образом, не сумев организовать около себя местное духовенство и мирян и не внося в общее дело ничего созидательного, эти костромские батюшки слепо постарались разрушить и то доброе начинание, которое хотели наладить более энергичные наши соратники на общей церковной ниве.

И они добились своего: сумели смутить сердца уездного духовенства и сочувствующих мирян и толкнули многих из них в деле выборов в объятия партийных социалистических кандидатов. Печальная история! [9, с. 247–248].

В епархиальном печатном органе был опубликован и интересный документ: постановление духовенства Кинешемского 2-го округа с порицанием исполнительному комитету, который, «к соблазну епархии, выступил с полемикой против списка № 5 и его составителей, что подорвало к нему доверие, а через это повредило церковному делу» [15, с. 261].

Сторонники «группы Бобровского» тоже не молчали. В номере «Костромского церковно-общественного вестника» от 15 декабря появилось письмо священника Николая Пермезского с резкой критикой «группы Дурново». Автор пытался оправдать действия исполнительного комитета, объяснял причину

сотрудничества с большевистской прессой («резолюцию о пятом списке сдал я в “Северный рабочий” ради того, чтобы предостеречь массу рабочих читателей этой газеты от незаслуженных нападков на духовенство за список № 5» [13, с. 261]) и подчеркнуто именовал своих оппонентов монархистами, что по тем временам было нешуточным обвинением. И все же на один из главных вопросов — почему после 9 августа и до конца сентября уполномоченная комиссия попросту ничего не делала? — автор ответить по существу не смог.

В целом по России представители православного клира и мирян пришли на выборы в Учредительное собрание (отдельными списками с разными наименованиями — «православные приходы», «духовенство и миряне» и другие) в 19 избирательных округах: в Вятке, Екатеринбургe, Иркутске, Казани, Костроме, Николаеве, Перми, Петрограде и Петроградской губернии, Самаре, Саратове, Симбирске, Смоленске, Ставрополе, Степном округе (Семипалатинске), Омске, Уфе, Харькове и Херсоне. Но во всех округах списки православных кандидатов потерпели поражение [21, с. 496–497]. А события, развернувшиеся в Петрограде в январе 1918 г., продемонстрировали тщетность надежд граждан России на Учредительное собрание. Практически сразу после начала работы оно (вследствие ухода из зала заседаний большевиков и левых эсеров) утратило кворум и было распущено. Труды, вложенные в выборы членов Учредительного собрания, оказались бесплодными. Но опыт устройства жизни Церкви в новых условиях, после падения самодержавия, и сейчас сохраняет свою ценность. Поэтому летопись предвыборных надежд и разочарований костромского духовенства и мирян в 1917 г., изложенная здесь, даже спустя столетие остается назидательной для всех нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А. М. Русская революция 1917 года в провинции (на материалах Костромской губернии) // Вестник Костромского государственного ун-та. — 2017. — № 4. — С. 46–50.
2. Бобровский Н., священник. Как умные люди чужими руками жар загребают // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 14–15, 15–22 октября. — Отд. неофициальный.
3. В единении — сила // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 2–3, 15–22 июля. — Отд. неофициальный. — С. 17–18.
4. Государственный архив Костромской области. — Ф. 1459. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 2.
5. Журналы епархиального съезда духовенства и мирян сессии 8–10 августа 1917 года. Журнал № 2 // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 5–6, 8–15 августа. — Отд. официальный.
6. К православным прихожанам епархии // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 10–11, 15–22 сентября. — Отд. неофициальный.
7. К Учредительному собранию // Народная свобода. — 1917. — № 124, 6 октября.
8. Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 14–15, 15–22 октября. — Отд. неофициальный.
9. Л[ебеде]в Д., протоиерей. На злобу дня. (По поводу бывших выборов в Учредительное собрание) // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 20–21, 1–8 декабря. — Отд. неофициальный.

10. Ограничение свободы агитации // Народная свобода. — 1917. — № 124, 6 октября.
11. Организация прихода и выборы в Учредительное собрание // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 4, 1 августа. — Отд. неофициальный. — С. 35–44.
12. Палюлина И. А. Отношение к Учредительному собранию в провинции в 1917–1918 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. — Кострома, 2001.
13. Пермезский Н., священник. Костромской епархиальный исполнительный комитет и список № 5. (Письмо в редакцию) // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 22, 15 декабря. — Отд. неофициальный.
14. Поволжский вестник. — 1917. — № 3301, 1 декабря.
15. Постановление духовенства 2-го Кинешемского округа // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 22, 15 декабря. — Отд. неофициальный.
16. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). — СПб.: Лики России, 2008.
17. С. Н. Б. [священник Николай Бобровский]. Бог поругаем не бывает // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 4, 1 августа. — Отд. неофициальный. — С. 44–49.
18. С. Н. Б. Епархиальное избирательное собрание // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 5–6, 8–15 августа. — Отд. неофициальный.
19. Северный рабочий. — 1917. — № 96, 20 октября.
20. Северный рабочий. — 1917. — № 128, 28 ноября.
21. Соколов А. В. Государство и Православная Церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2014.
22. Суздальцев И., священник. Как духовные пастыри сами себя побивают // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. 1–8 декабря. № 20–21. Отдел неофициальный.
23. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). — М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002.
24. Фруменкова Т. Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. — 1995. — № 5. — С. 74–94ю
25. Хроника событий 1917 года в Костроме / авт. — сост. А. М. Белов. — Кострома: Костромской государственный ун-т, 2017.
26. Pro domo sua // Костромской церковно-общественный вестник. — 1917. — № 1, 8 июля. — Отд. неофициальный. — С. 4–9.